

УДК 821.161.1:82.091
DOI: 10.36979/1694-500X-2025-25-2-145-150

**ПУШКИНСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ И АЛЛЮЗИИ
В ТВОРЧЕСТВЕ В.Г. КОРОЛЕНКО**

Л.Р. Скреминская

Аннотация. Рассматривается восприятие В.Г. Короленко личности и творчества А.С. Пушкина, прослеживаемое через различного рода упоминания о Пушкине, реминисценции и цитирование его произведений. Обращается внимание на то, что Пушкин занимает важное место в эстетическом сознании Короленко. Несмотря на то, что ему он не посвятил ни одной литературно-критической статьи, творчество Пушкина Короленко хорошо знал, молодым и начинающим писателям советовал учиться у него.

Ключевые слова: реминисценции; аллюзии; цитирование; критика; художественное мастерство; проекция; фольклор; предания; легенды; историография.

**В.Г. КОРОЛЕНКОНУН ЧЫГАРМАЛАРЫНДАГЫ
ПУШКИН ТУУРАЛУУ ЭСКЕРҮҮЛӨР ЖАНА АЛЛЮЗИЯЛАР**

Л.Р. Скреминская

Аннотация. Төмөнкү макалада А.С. Пушкиндин инсандык жана чыгармачылык жолу В.Г. Короленконун көз карашында каралып, ар кандай Пушкин тууралуу эскерүүлөр менен байкоо жүргүзүлүп, анын чыгармаларын реминисценциялоо (эскерүү) жана цитаталар аркылуу көргөзүлөт. Короленконун эстетикалык аң-сезиминде Пушкин өтө маанилүү орунду ээлегендигине өзгөчө көңүл бурулат. Ал ага бир дагы адабий сын макала арнабаганына карабастан, Пушкиндин чыгармаларын абдан жакшы билген, ошондой эле жаш жана башталгыч жазуучуларга андан сабак алуусун кеңеш берген.

Түйүндүү сөздөр: реминисценциялар кыйытмалар; цитаталоо; сын; көркөм чеберчилик; проекция; фольклор; уламыштар; баян; тарыхнаама.

**PUSHKIN REMINISCENCES AND ALLUSIONS
IN THE WORKS OF V.G. KOROLENKO**

L.R. Skreminskaya

Abstract. The article considers V.G. Korolenko's perception of A.S. Pushkin's personality and creativity, traced through various references to Pushkin, reminiscences and quotations of his works. Attention is drawn to the fact that Pushkin occupies an important place in Korolenko's aesthetic consciousness. Despite the fact that he did not devote a single literary-critical article to Pushkin, Korolenko knew Pushkin's work well and advised young and novice writers to learn from him.

Keywords: reminiscences; allusions; citation; criticism; artistic skills; projection; folklore; tradition; legends; historiography.

Среди русских писателей, к которым обращался В.Г. Короленко и которым посвящал литературно-критические статьи или литературные портреты, А.С. Пушкин занимает периферийное место, и в списке произведений русской художественной литературы, чтением которой Короленко увлёкся в свои гимназические годы благодаря урокам русской словесности учителя Авдиева, имени А.С. Пушкина тоже нет, хотя сама гимназическая программа по русской литературе заканчивалась именно Пушкиным. Авдиев сознательно выходил за пределы школьной программы и знакомил своих учеников с писателями демократического лагеря, и сами его уроки тоже носили демократический характер, открывая перед молодым Короленко и его одноклассниками новый мир с «глубоко человеческими мотивами русской литературы».

Эти уроки особенно нравились гимназисту Короленко, который увлёкся произведениями русских писателей. Он с упоением зачитывался критическими статьями Добролюбова, повестями Тургенева и Писемского, стихами и поэмами Некрасова и комедиями Островского. Этот новый круг чтения изменял его сознание и отношение к романтической литературе, которой он увлекался в свои отроческие годы: «Фомка из Сандомира, «казак Шевченко, его гайдамак, его мужик и дивчина теперь представлялись для меня, напротив, красивой отвлечённостью. Мужика Некрасова я никогда не видел, но чувствовал его больше. Всегда за непосредственным образом некрасовского «народа» стоял интеллигентный человек со своей совестью, своими запросами... вернее – с *моей* совестью и *моими* запросами (курсив Короленко. – Л.С.) ...» [1, с. 277]. И далее следовало признание: «Я нашёл тогда свою родину, и этой родиной стала прежде всего русская литература». Вывод напрашивается сам: Короленко в юношеские годы в произведениях А.С. Пушкина, так занимавших его ум, искал образ народа и русского интеллигента, старавшегося посвятить народу свою жизнь и борьбу.

К Пушкину Короленко придёт позже. О том, что он много и внимательно читал его произведения и хорошо знал его творчество, свидетельствуют пушкинские реминисценции, аллюзии, свободное цитирование произведений

А.С. Пушкина, которые встречаются в самых разных публицистических и литературно-критических статьях Короленко, в его письмах, дневниках и в «Истории моего современника». Можно выделить несколько ключевых моментов, связанных с упоминанием в работах Короленко имени Пушкина и цитированием его произведений, – это литературно-критические оценки Пушкина, например, его отношение к Гоголю, пушкинская творческая манера и Пушкин как историк.

О литературно-критической позиции А.С. Пушкина Короленко рассуждает, анализируя творчество Н.В. Гоголя в замечательной своей статье «Трагедия великого юмориста» [2]. Он подчёркивает важную роль А.С. Пушкина в писательской судьбе Н.В. Гоголя и отмечает, что именно Пушкин, который «всегда смеялся» при чтении гоголевских юмористических произведений, заставил Гоголя «взглянуть на дело серьёзно», указал «глубокое значение его смеха» и назвал Гоголя «весёлым меланхоликом» [2, с. 165].

Именно Пушкин, по мнению Короленко, был первым и самым главным критиком гоголевских произведений ещё до прихода в литературу Белинского. Под влиянием Пушкина Гоголь «поставил себе определённую общественную задачу» в своём «Ревизоре» и успешно эту задачу решил: его комедия «явно становилась сокровищницей русской литературы и русской сцены», но при этом он сам «чувствовал себя угнетённым и подавленным...неудачей «Ревизора» [2, с. 173]. Неудача эта была «мнимой», поскольку Гоголь явился единственным судьёй, который осудил свою пьесу, пьесу, «вокруг которой закипела борьба старой и новой Руси. В споре друзей и врагов своего гениального произведения Гоголь ... склонился на сторону врагов» [2, с. 174]. И, конечно, со всеми своими жалобами Гоголь обращается к своему вдохновителю – Пушкину.

Короленко приводит письмо Гоголя к Пушкину, где в своём настроении автор «Ревизора» винит «соотечественников»: «Я устал душой и телом. Клянусь, никто не видит моих страданий» <...>. «Еду за границу, там размыкать тоску, которую наносят мне ежедневно мои соотечественники. Писатель современный, писатель комический, писатель нравов должен быть

подальше от своей родины» [2, с. 173]. Гоголь едет за границу. И здесь тоже Короленко не упускает момента сказать о Пушкине, отметить пушкинское величие и превосходство над Гоголем, которое, кстати, признавал и сам Гоголь. В своей статье «Несколько слов о Пушкине», написанной ещё при жизни поэта в 1832 г., Гоголь отметил, что «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через 200 лет» [3, с. 56].

Короленко в унисон с гоголевскими восторгами в адрес Пушкина также подчёркивает, что Пушкин, который всегда «смотрел на современный мир широко и жадно раскрытыми глазами, ловя каждое явление и усваивая каждую новую мысль», с его «огромной умственной силой» и его любознательностью оттенял Гоголя, который такой любознательностью не отличался, и даже за границей его совершенно не задевали проходящие «мимо него захватывающие события и великое движение мысли» [2, с. 172], а сама гоголевская литературная мысль, «острая от природы, но мало тронутая культурой, работала в узком круге» [2, с. 172].

Имя Пушкина Короленко несколько раз упоминает в статье «Памяти Белинского», он свободно цитирует пушкинские стихотворения в очерках, посвящённых Г.И. Успенскому и Л.Н. Толстому. В «Истории моего современника», вспоминая время переезда семьи из Житомира в Ровно, при пересечении «полосатого бревна шлагбаума», которым, как известно, обозначались границы города, Короленко обращает внимание на то, что характерную особенность этих пограничных застав «составляли шоссейные инвалиды николаевской службы, доживавшие здесь свои более-менее злополучные дни». Этим инвалидов отличало «вечно дремотное состояние и ленивая неторопливость движений», что было отмечено и Пушкиным в его известном стихотворении, в котором поэт размышляет о своей судьбе:

Иль чума меня подцепит,
Или мороз окостенит,
Или в лоб шлагбаум влепит
Непроворный инвалид [1, с. 147].

В «Истории моего современника» и других своих произведениях Короленко неоднократно цитирует Пушкина, приводя в качестве примеров, подходящих к той или иной ситуации, некоторые факты его биографии. По мысли Короленко, зачастую реальная личность писателя или художника «редко совпадает с теми представлениями, какое мы составляем по их произведениям» [4, с. 12]. Вместе с тем, если судить по тому, как свободно и уместно Короленко оперирует не только пушкинскими высказываниями или цитатами из его произведений, но и отдельными событиями его жизни, то можно предположить, что и восприятие самой личности Пушкина у Короленко было таким же глубоким, как и знание его творчества.

Пушкин для Короленко оставался неким эталоном гражданского служения литературе. В 1909 г. Литературный фонд, образованный в 1859 г., праздновал свой полувековой юбилей. Короленко не мог обойти своим вниманием это выдающееся событие и посвятил ему статью, в которой делает аналитический обзор деятельности этого фонда. Этот Литературный фонд был «делом литературы, а литература признавалась делом общества». Конечно, прежде всего писатель назвал имена тех, кто стоял у его истоков, подчеркнув особо, что, если бы «при основании фонда были бы живы Жуковский, Пушкин и Гоголь, их имена обязательно были бы в списке учредителей, как нет сомнения, что в нём, наверное, не было бы Булгарина» [5, с. 219].

Короленко подчёркивает, что «строптивец» Пушкин видел свой долг в служении обществу, обращает внимание на то, как Пушкин работал: «он черкал, отыскивал гармонию стиха, и нередко из отдалённых областей привлекал образы и ставил их в соотношении с главным», будучи абсолютно уверенным в том, «что в час написано, то в час и позабыто» [5, с. 510]. Литературное дело – это труд, это мастерство, когда воображение поэта «из находящегося в его запасе материала слов, образов, фраз и гармоний выхватывает чрезвычайно быстро то, что нужно», и тогда «всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства» [6, с. 496].

Будучи редактором журнала «Русское богатство», Короленко много внимания уделял

молодым и начинающим писателям. Интерес вызывает письмо Короленко, адресованное начинающему поэту, которому на примере анализа пушкинского «Анчара» редактор Короленко даёт пример истинной и глубокой работы Пушкина со словом:

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскалённой...

«Посмотрите, – пишет Короленко, – как тут тремя и четырьмя строками нарисована целая картина. Воображение читателя тронуту, возбуждено этими мелкими штрихами, и оно само уже рисует остальное. Вы как будто видите и цвет песка, и безоблачное горячее небо, и мрачный профиль дерев, – хотя об этом прямо не упоминается. Вот это называется силой стиха. Сила эта состоит в том, что в данной комбинации слов каждое слово, кроме прямого представления, влечёт за собой целый ряд представлений, невольно возникающих в уме...» [5, с. 454].

Учиться писать у Пушкина и Гоголя, которые не просто писали, а много и подолгу исправляли в своих произведениях, Короленко советовал молодым и начинающим литераторам: долгая и кропотливая работа над каждым произведением должна сопровождаться постоянными исправлениями – «но это не значит, что они вымучивали свои произведения», «лишь то читается легко, что написано с трудом» – в качестве подтверждения своей мысли Короленко цитирует письмо Пушкина к Жуковскому [5, с. 510].

К Пушкину у Короленко отношение было подчеркнуто уважительное и благоговейное. Даже в пору своего увлечения народническими идеями, хождением в народ, чтением произведений писателей демократического лагеря и даже ожиданием того, что в скором времени «явится поэт из самого народа», Короленко никогда «не увлекался писаревщиной до отрицания Пушкина и помнил, что Некрасов как поэт значительно ниже Пушкина и Лермонтова» [7, с. 199]. Пушкин оставался Пушкиным – великим русским поэтом, которого надо было постоянно читать и у которого можно и нужно было учиться писательскому мастерству.

В конце 1880-х годов Короленко работал в нижегородской архивной комиссии, где обнаружил архивные материалы, касающиеся пугачёвского восстания. Эти материалы заинтересовали писателя, и в 1891 г. он едет в Уфу, чтобы начать собирать там материалы для задуманной им повести о пугачёвском бунте. Осуществить задуманное сразу не удалось, поскольку общественная деятельность отнимала время у творчества, и к своему замыслу писатель возвращается только в начале 1900 года. Он опять едет на Урал, где собирает материалы о Пугачёве, разговаривает с людьми, хранившими в памяти предания о «Государе Петре Фёдоровиче», «занимается пугачёвским фольклором, изучает пережитки пугачёвских традиций в среде современного казачества» [8, с. 241].

Короленко подробно анализирует официальные источники о Пугачёве, в которых он выступает как «подлый дерзкий человек» (Сумароков), «изверг, воспитанный «адским млеком» (Павел Потёмкин), и особенно обращает внимание на народное восприятие Пугачёва, отражённое в легендах и преданиях о нём. Не секрет, что в сознании и памяти народа образ Пугачёва был совершенно отличным от облика «самозванца», выступавшего в официальной историографии. Но над всеми народными преданиями и рассказами о Пугачёве нависала такая страшная гроза, что все, «не отмеченные официально принятым тоном нейтральные рассказы становились опасны» [9, с. 431]. В итоге даже устные рассказы и предания, связанные с именем Пугачёва и пугачёвскими событиями, разделились настолько, что сам «настоящий образ живого и загадочного человека» просто исчез либо за сусальным образом, созданным народной фантазией, либо, наполняясь всё новыми и новыми выдумками о нём, в конечном итоге ушёл навсегда.

На роль народных преданий в формировании образа Пугачёва в своё время обратил внимание А.С. Пушкин. На тот факт указывает Гуань Линьли, отметивший, что «оригинальность Пушкина-историка заключалась в том, что вопреки административно-архивным документам, которые кропотливо изучал, он стремился через живых свидетелей, опираясь на предания и песни, записанные в Оренбурге, Уральске, Бердской

слободе, изобразить Пугачёва с позиции народа <...>. Память о Пугачёве подтверждала, что Пугачёв был незаурядной личностью, народ шёл за ним добровольно, веря в его миссию царя-заступника всех обиженных и несчастных [10].

Пугачёвская тема в русской литературе никогда не была лишь темой прошлого. На это обращает внимание Г.Г. Евстратов, рассуждая о процессе работы В.Г. Короленко над повестью «Набеглый царь»: «В течение длительного времени – не только на протяжении XIX в., но и в начале XX столетия – она оставалась жизненно актуальной. И это находит своё объяснение в специфических условиях исторического развития России, одной из особенностей которого являлся широкий размах крестьянского антифеодального движения. Сама жизнь подсказывала постоянное обращение к этой теме, таившей в себе возможность широких, далеко идущих обобщений и выводов. Не была случайной эта тема и для Короленко» [11], которого больше всего волновала «картина человеческой неправды и подлости, с одной стороны, неясные инстинкты дикой воли, картины разгула и разнузданности этой дикой воли – с другой».

В поисках настоящего Пугачёва Короленко не ограничивается народными легендами и официальными источниками, он обращается к Пушкину, который, по его мнению, «как истинно гениальный художник <...> сумел отрешиться от шаблона своего времени настолько, что в его романе Пугачёв, хотя и проходящий на втором плане, является совершенно живым человеком. Посылая свою историю пугачёвского бунта Денису Давыдову, поэт писал, между прочим:

Вот мой Пугач. При первом взгляде
Он виден: плут, казак прямой.
В передовом твоём отряде
Урядник был бы он лихой [9, с. 432].

Вместе с тем Пушкина очень беспокоил тот факт, что «его Пугачёва» «в публике бранят, а что ещё хуже, не покупают. Уваров – большой подлец. Он кричит о моей книге как о возмутительном сочинении» [6, с. 424]. Но вопреки официальному мнению, пушкинский Пугачёв кажется Короленко именно тем «живым»

человеком, который и был ему нужен. Короленко использует приём исторической аллюзии как «обращение к некоему тексту, хорошо известному читателю или слушателю», без знаний которого «историческая аллюзия не сработает» [12]. Хорошо знать содержание повести А.С. Пушкина, увидеть Пугачёва таким, каким видел его Пушкин и как он представил его Денису Давыдову, было необходимо для Короленко, чтобы абстрагироваться от принятой в академической историографии того времени трактовки образа и личности Пугачёва. «Когда писатель использует, отмечает З.А.У. Каримов, он предполагает наличие у читателя определённого набора фоновых знаний. Таким образом, он добавляет к содержанию те или иные подразумеваемые события, ценности, о которых в произведении прямо не говорится.

Следовательно, литературная аллюзия – это отсылка к ранее написанному литературному произведению, создающая имплицитное значение в новом произведении» [12]. Между этим пушкинским образом и не только сумароковским «извергом, возлюбившим сатану», но даже и Пугачёвым позднейших изображений (например, в «Чёрном годе» Данилевского) – расстояние огромное. Пушкинский плутоватый и ловкий казак, немного разбойник в песенном стиле (вспомним его разговор с Гринёвым об орле и о вороне) – не лишённый движений благодарности и даже великодушия, – настоящее живое лицо, полное жизни и художественной правды» [9, с. 432].

Вместе с тем, продолжает дальше Короленко, когда приходится этого «лихого урядника» выдвинуть на первый план огромного исторического движения, возникают проблемы. «Уже Погодин в своё время обращался к Пушкину с целым рядом вопросов, не разрешённых, по его мнению, «Историей Пугачёвского бунта». Многие из этих вопросов, несмотря на очень ценные последующие труды историков, ждут ещё своего разрешения и в наши дни. И главный из них – это загадочная личность, стоявшая в центре движения и давшая ему своё имя. Историкам мешает груда фальсифицированного сознательно и бессознательно следственного материала. Художественная же литература наша

после Пушкина сделала даже шаг назад в понимании этой крупной и во всяком случае интересной исторической личности. От «лихого урядника» и плутоватого казака мы подвинулись в направлении «адского млека» и лубочного злодея. И можно сказать без преувеличения, что в нашей писанной и печатной истории, в самом центре не очень удалённого от нас и в высшей степени интересного периода стоит какой-то сфинкс, человек – без лица.

Нельзя сказать того же о Пугачёве из народных преданий, которые почти угасли уже во всей остальной России, но чрезвычайно живо сохранились ещё на Урале, по крайней мере, в старшем казачьем поколении. Здесь ни строгие указы, ни глаголы и крючья Панина не успели вытравить из народной памяти образ «набеглого царя», оставшийся в ней неприкосновенным, в том самом, – правда, довольно фантастическом, виде, в каком этот «царь» явился впервые из загадочной степной дали среди разбитого, задавленного, оскорблённого и глубоко униженного старшинской стороной рядового казачества» [9, с. 432–433].

Короленко закончил свой очерк в 1900 г., и в этом же году он пишет Н.Ф. Анненскому, что его Пугачёвская легенда «составляет лучшую и самую интересную главу из написанного до сих пор (речь идёт об очерках «У казаков»). Материалом для неё послужили отчасти печатные работы казака Железнова, отчасти же собранные мною от старых казаков предания и частью – войсковой архив. Интересно, что в то время как «печатный» исторический Пугачёв до сих пор остаётся человеком «без лица», Пугачёв легенды – лицо живое, с чертами необыкновенно яркими и прямо-таки реальными, образ цельный, наделённый и недостатками человека, и полумифическим величием «царя». Меня самого поразило это, когда я собрал воедино все эти рассказы...» [13, с. 319–320.]

Вместо заключения. Пушкин и Короленко – два художественных мира, две разные эпохи, две разные эстетические программы, но объединённые единой мыслью возбуждать своим творчеством «... негодование и гнев против насилия», их объединяет «всегдашняя готовность отдать жизнь на защиту своего достоинства, независимости и свободы». Пушкин

и Короленко – это два неповторимых примера служения литературе и её великой миссии – миссии воспитания Человека, писателя и читателя.

Поступила: 28.10.2024;

рецензирована: 12.11.2024; принята: 14.11.2024.

Литература

1. *Короленко В.Г.* История моего современника // В.Г. Короленко: собр. соч.: в 10 т. Т. 5. М.: Худ. лит., 1954.
2. *Короленко В.Г.* Трагедия великого юмориста // В.Г. Короленко: собр. соч.: в 10 т. Т. 8. М.: Худ. лит., 1955.
3. *Гоголь Н.В.* Несколько слов о Пушкине // Н.В. Гоголь: собр. соч.: в 7 т. Т. 6. М.: Худ. лит., 1986.
4. *Короленко В.Г.* О Глебе Ивановиче Успенском // В.Г. Короленко: собр. соч.: в 10 т. Т. 8. М.: Худ. лит., 1955.
5. *Короленко В.Г.* О литературе / В.Г. Короленко. М.: Худ. лит., 1957.
6. А.С. Пушкин – критик. М.: Сов. Россия, 1978.
7. *Короленко В.Г.* История моего современника // В.Г. Короленко: собр. соч.: в 10 т. Т. 6. М.: Худ. лит., 1954.
8. *Бялый Г.А.* В.Г. Короленко / Г.А. Бялый. М.: Худ. лит., 1983.
9. *Короленко В.Г.* Пугачёвская легенда на Урале // В.Г. Короленко: собр. соч.: в 10 т. Т. 8. М.: Худ. лит., 1955.
10. *Гуань Линьли.* Образ Пугачёва в произведениях А.С. Пушкина «История пугачёвского бунта» и «Капитанская дочка» / Гуань Линьли // Мир науки, культуры и образования. № 2 (87). 2021. С. 492–494. URL: obraz-pugacheva-v-proizvedeniyah-a-s-pushkina-istoriya-pugachevskogo-bunta-i-kapitanskaya-dochka.pdf (дата обращения: 02.06.2024).
11. *Евстратов Н.Г.* «Набеглый царь» В.Г. Короленко // Емельян Пугачёв и Крестьянская война (1773–1775), (2007–2024). URL: <https://emelyan.ru/publikacii/pod-znamenami-pugacheva/p7> (дата обращения: 23.06.2024).
12. *Каримов Зиёахмад Алишер Угли.* Аллюзия и её виды в литературе. Проявление аллюзии в художественных текстах и в произведениях магического реализма / Каримов Зиёахмад Алишер Угли // Galaxy International Interdisciplinary Research Journal. 2022. 10 (7). P. 265–273. URL: <https://internationaljournals.co.in/index.php/giirj/article/view/2419> (дата обращения: 04.07.2024).
13. *Короленко В.Г.* Письма // В.Г. Короленко: собр. соч.: в 10 т. Т. 10. М.: Худ. лит., 1956.